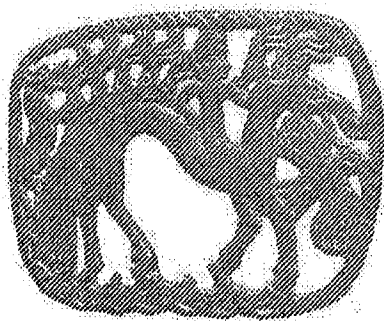

URÁLISZTIKAI TANULMÁNYOK 14.

PERMIEK, FINNEK, MAGYAROK

Írások Szíj Enikő 60. születésnapjára

Szerkesztők:
Csepregi Márta és Várady Eszter

Technikai szerkesztő:
Gusztáv András

Budapest
2004

PERMIEK, FINNEK, MAGYAROK
URÁLISZTIKAI TANULMÁNYOK 14.

Készült a Finnugor Világkongresszus
Magyar Nemzeti Szervezete
támogatásával

© ELTE BTK FINNUGOR TANSZÉK

A borítón: Olaus Magnus Gothus „Carta Marina” (1539) – részlet
A belső címlapon: Képzeltbeli ló-szarvason ülő nő – komi bronzdíz
A képek EERO AUTIO Kotkat, Hirvet, Karhut – Permiläistä pronssitaidetta
(Atena Kustannus Oy, Jyväskylä, 2000) c. könyvéből származnak

Sorozatszerkesztők:

Domokos Péter

Klima László

ISSN 0238-6747

ISBN 963 463 713 2

Nyomdai munkák:

Syled Expressz

Megrendelhető:

ELTE Finnugor Tanszék

H-1088 Budapest, Múzeum krt. 4/i

Ugyanott megrendelhető a bővített CD-változat is.

Семантика сквозных образов в лирике Аллы Кузнецовой

ЛЮБОВЬ ФЕДОРОВА

Ижевск

В истории удмуртской женской литературы нами обозначено три периода развития: это 1920–30 годы (Ашальчи Оки, Мария Баженова), 1960-е (Степанида Иванова, Лидия Чернова, Алевтина Аникина, Юлия Байсарова, Людмила Хрулева и др.), 1980-90-е (Людмила Кутянова, Татьяна Чернова, Галина Романова, Алла Кузнецова, Лидия Нянькина, Серафима Благинина-Пушина и др.). Непрерывной традиции нет, периоды, в которых женская литература «слышна», сменяется периодами «заглушения», развитие идет волнообразно. Волнообразность удмуртского женского письма обусловлена объективными и отчасти субъективными факторами. Исследователи русской женской литературы заметили, что женщины выходят на сцену во времена культурных переломов, разлома культурных парадигм и переустройства канонов. Развитие удмуртской женской литературы подтверждает выявленную закономерность.

В чем самобытность, традиционность, новаторство каждого из обозначенных этапов?

Трагична и самобытна судьба представительниц женской литературы 20-х годов. Они как яркие звезды появились на небосклоне литературы и исчезли на долгое время. Их заставили замолчать в 30-е, в годы сталинских репрессий. Лирика Ашальчи Оки стала классикой удмуртской литературы, «каждое ее слово, каждая строка принадлежат женщине» (П. Домокош), в них по признанию Кузеева Герда «душа вотской женщины светится во всей своей полноте». Мария Баженова (Лем Маня) — первая женщина-удмуртка, работавшая в жанре драмы. Основная проблема, объединяющая все ее произведения, остро социальна и актуальна для 20-х годов: призыв к новой жизни, вера в завтрашний день, отказ от старого уклада и привычек, которая решена в сатирическом тоне. Сколь схожими были творческие судьбы первых ласточек удмуртской женской литературы, столь разными оказались их произведения в содержательном плане.

Интересна судьба поэтесс периода оттепели, которые до сегодняшнего дня незаслуженно остаются в тени. Их детство и юность совпали с трудными военными годами, что и определило человеческие и творческие биографии многих из них. После тридцатилетнего молчания женщина-

удмуртка снова подала свой годос, который был услышан, но воспринят неоднозначно и даже негативно. Количественно пишущих женщин стало больше, но по выразительности, образности они не смогли превзойти Ашальчи Оки, хотя по оригинальности отдельные стихи Степаниды Ивановой и Алевтины Аникиной достигли уровня первой удмуртской поэтессы. Их литературная деятельность была также недолгой, талант поэтессы по многим причинам не успел раскрыться. Наиболее плодотворной оказалось творчество детских поэтесс – Лидии Черновой и Юлии Байсаровой, пишущих и сегодня.

Ведущая тема женской лирики 60-х годов – (как и 20-х, забегая вперед скажем и 80-х) – любовь: любовь-разлука, любовь-ожидание, любовь-боль, несчастье, хотя намечается усиление гражданских мотивов.

Третьему поколению удмуртских женщин-литераторов удалось реализовать творческие возможности в полной мере. Принято говорить о соведзии четверки – Татьяны Черновой, Людмилы Кутяновой, Галины Романовой, Аллы Кузнецовой, каждая из них имеет собственный голос, свою поэтическую индивидуальность. Поэзия Т. Черновой – романтична, Л. Кутяновой – реалистична и песенна, Г. Романовой – эпична, А. Кузнецовой – самоиронична.

Видение мира лирической героини А. Кузнецовой создают повторяющиеся образы, переходящие из стихотворения в стихотворение, из сборника в сборник, пронизывающие все творчество поэтессы и наделенные различной смысловой глубиной. Повторения и вариации образов в творчестве поэтессы связаны множеством логико-ассоциативных нитей параллелей и переходов, они окрашивают, поддерживают и дополняют друг друга.

Через какие образы показывает свое женское видение мира удмуртская поэтесса, какова их семантика – это предстоит выяснить. В качестве объекта исследования послужили все изданные сборники Аллы Кузнецовой: «*Чурьесы тыныд*» («Строки тебе»), 1976; «*Малы меда*» («Зачем же»), 1984; «*Чимошур, Чимошуре*» («Чимошур мой, Чимошур»), 1991; «*Лушкем яратон, Интим*», 1995; «*Улонысь но, уйвотысь но*» («Из яви... Из снов...»), 2000.

В ряду повторяющихся сквозных образов А. Кузнецовой наибольшей частотностью и постоянством отличаются «снег» («*Лымы усе*», «*Тӧдӧы одӧг гинэ уг лу*», «*Лымы чилбтэр кадь мылкыдыд*», «*Атае сямен уте*», «*Мон уг тодски малы?*»), «заря» («*Ушъяськытэк сяська будэ*», «*Вань мынам та сями*», «*Яратско*», «*Вакут*», «*Тодӧз югдон: кема уз улы зардыса*», «*Тау тыныд, гажсанэ-ардонэ*»), «цветок» («*Инвожо*», «*Ачим но уг тодӧськы*», «*Быдэсмымтэ яратонэ*», «*Тон понна*»).

Распределим наиболее часто встречающиеся образы на тематические группы по частотности:

1. Образы связанные с природными явлениями: *лымы* (снег), *зор*, *йöзор* (дождь, град), *гудыри* (гром), *йадрон* (рассвет), *шур* (река), *тол* (зима).

2. Абстрактные и климатические понятия: *дунне* (мир), *уйшор* (полночь), *шунды* (солнце), *кизили* (звезды).

3. Мир человека и его состояние: *синву* (слеза), *столэм* (сердце), *анай* (мать).

4. Образы, связанные с флористикой: *сяська* (цветок), *бадяр* (клен), *лызыну* (береза), *дыдьну* (черемуха).

5. Орнитоморфные образы: *кыкы* (кукушка), *у́чы* (соловей).

Анализ этих образов поможет раскрыть поэтический мир А. Кузнецовой, ее мировоззренческие и эстетические концепции. В целом творчеству поэтессы характерны образы, являющиеся традиционными для удмуртской лирики и устной поэзии, но семантика образов отличается новизной и многозначностью, автор создает новый ассоциативный ряд. Следует заметить, что у каждого народа формируется только ему присущее миропредставление или по каким-либо признакам, являющиеся родственными с другими этническими группами.

По замечанию Г. Гагаева, лицо народа определяет природа, среди которой он вырастает и совершает свою историю. «Она – фактор постоянно действующий. Тело земли, лес, горы, климат, животный мир, растительность – все это определяет и род труда, и образ мира. Здесь коренится и образный арсенал национальной культуры (архетип, символ, метафорика литературы)».¹

Образное содержание поэзии А. Кузнецовой является неким проявлением деревенского мира, быта, верований удмуртов, гармонии с миром природы. Сохранение гармонических отношений с окружающим миром природы свойственно в целом так называемым «деревенским» поэтам.

Поэтесса родилась в сельском местности, потом жила в городе. Урбанизированная среда не оказала сильного влияния на ее творчество, поэтесса видит окружающее глазами женщины, не утратившей способность глубоко чувствовать природу. Лирическая героиня А. Кузнецовой – это удмуртская женщина, которая связана с природой многими нитями. Она – языческое дитя, природа наделяет ее энергией и магической силой. Она призывает к языческим богам – Керемету, Инмару, Куазю, чтобы они покровительствовали и помогали ей. К погоде лирическая героиня обращается «Куазь-анай» (Природа-мать). «Куазь-анай» ассоциируется с матерью, наделяется функциями заботы,

¹ Гачев Г. Национальные образы мира: курс лекций. Москва: Академия. С. 26–27.

покровительства, благословения. Поэтесса называет себя дочерью природы.

Особое место в поэзии Аллы Кузнецовой, как и в целом в женском творчестве, занимает тема любви. В стихотворениях А. Кузнецовой лирическая героиня открыто говорит о своих чувствах, она искренна в любви и в отношении к возлюбленному. Возлюбленный для лирической героини – высший идеал, бог. «Перед нами образец народного героя – богатыря, героя – добродетеля, героя – волшебника, восходящего к фольклорно-мифологической модели».² В поэзии А. Кузнецовой присутствует эротическое начало. Отношения влюбленных Алла Кузнецова выражает намного свободнее, раскованнее, чем ее предшественницы. До А. Кузнецовой в женской любовной лирике можно отметить лишь намек на открытость выражения чувств. Лирическая героиня А. Кузнецовой часто выступает в роли грешной женщины, способной на жестокую игру над чувствами мужчин. Она даже не стремится занять место в сердце любимого, любовь – превращается в игру:

Кош син азысь, адзем потостэме.	Убирайся с глаз, ненавистный мне.
Вожде эн вай; отй но уллясько.	Не сердись; позвала и гоню.
Мон мукетсэ вити. Валад-а? Мукетсэ.	Я другого ждала. Понимаешь? Другого.
Нош мон солы коть вань шу...	А я для него, что есть...
Коть ёвёл...	Что нет...
Ёчкариса солы оти туннэ тонэ...	Ему назло сегодня позвала тебя...
Нош тон мыным кулэ ёвёл, кулэ ёвёл...	А ты мне не нужен, не нужен...

(IV; 41)*

Но потом героиня приходит в смятение, в ней идет борьба противоположных чувств. Она сожалеет о совершенных поступках и вновь обращается к богу.

В любовной лирике А. Кузнецовой наиболее частотным образом является «лымы» (снег). Этот образ в стихах поэтессы становится полисемантическим. Как одно из состояний воды – снег – в подтексте выражает эмоциональное состояние лирической героини, ее изменчивость, некоторую степень скрытости ее чувств. Цвет снега также имеет свое значение и помогает выразить состояние лирической героини. Для поэтессы, глубоко чувствующей мир природы, близок мир деревенский,

² Пантелеева В. Г. Инвариантные мотивы в удмуртской женской поэзии // Удмуртская литература XX века: направления и тенденции развития. Ижевск, 1991. С. 40.

Здесь и далее в скобках указывается страница и порядковый номер сборника Аллы Кузнецовой по хронологии в переводе Ольги Гаранькиной.

поэтому ей открыты все прелести зимы, сверкание снега, умиротворенность, которую выражает снег.

Образ «снега» может выступать в роли указателя времени года:

Дор пальёсам жоген усёз лымы.
Дыртэ сйзыыл,
Кёло ни писпуос.
Гёртылыса сайка вырйыл.
(II; 10)

В родных краях начнет падать снег.
Осень спешит,
Деревья уже спят.
Покрываясь инеем просыпается холм.

Каллен гинэ лымы усе,
Гужем асфальт вылэ пуксе.
Векчи кызъёс вадьсын поръя,
Ширьян эктэ кадь тёл гуръя.
(II; 10)

Тихонечко падает снег,
Ложится на асфальт.
Кружится между елей,
Танцует под музыку ветра.

«Снег» наделяется функцией индикатора чувств лирической героини. Образ помогает увидеть, как меняются оттенки чувств лирической героини в момент встречи с возлюбленным. Как переливается на солнце снег, подобно этому меняются чувства в сердце лирической героини.

В стихотворениях образ «снег» служит признаком холодности чувств, возникающих между лирической героиней и её возлюбленным:

Лымы чультэр кадь мылкыдыд,
Чылкыт ке но, сутэ кезытэнызю
Кезыт ке но, небыт веша бамме,
Шуныт пальпоттытэ.
Бон шокчыны ик кышкасько –
Шокчи ле, сэралоз лымы чильтэр,
Кезыт чибориез быроз
Синкылилы пормоз...
Лымы чильтэр кадь мылкыдыд.
Мон шокчыны ик кышкасько.
(II; 23)

Твое чувство –
Хрупка как снежинка...
Чистота –
причудливый узор...
Не дышу –
Растает, как грустинка,
Теплая улыбка, что костер.
Не дышу – боюсь исчезновенья,
Превращенья в капельку воды.
С леденящим холодом забвенья,
С немим предчувствием беды.³

Любовь лирической героини хрупка, она может разрушиться, может растаять как снежинка. Героиня стремится поддерживать свою любовь, но это во многом зависит от её любимого. Сравнение «*лымы чильтэр кадь мылкыдыд*» (твое чувство хрупка как снежинка) говорит о непостоянстве

³ Здесь перевод Аллы Кузнецовой.

возлюбленного. «Снег» ассоциируется как нечто непостоянное и обманчивое и противопоставляется большому и светлому чувству лирической героини:

Лымылесь пужызэ
Шундыед нюлыштэ,
Вуюись Инбамын ик сылме.
(II; 8)

Снежинка тает
Под солнечным лучом,
Радуга растворяется в небе.

Для героини «снег» также является чем-то чистым и светлым. Падающий белый снег – мотив зарождения нового чувства.

Таким образом, образ «снега» в лирике А. Кузнецовой является инвариантным мотивом, выражающим настроение, внутреннее состояние лирической героини. Со снегом может быть связано как оптимистическое, так и пессимистическое. Падающий с неба снег – это символ светлого, чистого, нового. Образ «снега», служа индикатором чувств лирической героини, чаще употребляется с эпитетами *тöдды*, *льдь*, соотносимыми с поэтической традицией удмуртов. «Снежинки» – *лымы чильтэр* – ассоциируются с непостоянством чувства возлюбленного, с хрупкостью любви. «Снег» также является указателем времени года.

Образ «снега» часто переплетается в стихах А. Кузнецовой с образами *юзор*, *зор*, *синкыли*. Цепь образов «снег – дождь – слёзы» создают ассоциативный ряд в лирике поэтессы и неизменно будут повторяться, перекликаться во многих стихотворениях. Эти образы мы относим к стихиям природы. Четыре природные стихии – огонь, вода, земля, воздух – могут передавать национальный Космо–Психо–Логос, чтобы выражать его духовное, материальное, эмоциональное явление. Состояние воды означает текучее, мягкое, женское, милосердие, жалость, сентиментальный характер.

«Капли дождя» и «слёзы» создают параллель. Любовные страдания, горечь одиночества выходят наружу в виде слёз, как эмоциональный всплеск негативных чувств лирической героини:

Капи-кап-капи... Липетись васько,
Шундыен шудо **шапыкъёс!**
Капи-кап-капи... Бам кузя васько,
Лулпушме тыро **синиуос!**
(IV; 65)

Кап-кап-кап... Стекают с крыши,
С солнцем играют капли!
Кап-кап-кап... По щеке бегут,
Душу наполняют слезы!

«Дождь» как природная стихия и «слёзы» как эмоциональное проявление чувств служат выражению бурного смятения, внутреннего переживания лирической героини.

С другой стороны, «дождь» ассоциируется с обновлением, рождением, после дождя просыпается и оживает природа. «Дождь» – это очищение, дарящее духовный подъём.

В ряду других часто встречающихся образов можно отметить образ *сюлем* (седца), *у́чы* (соловей), *сяська* (цветка). «Сердце» – это вместилище чувств – любви, счастья, горечи и боли.

Образ сердца чаще употребляется с эпитетами *эгыр* (уголь), *йсуась* (горящий), *аратем* (подожженный). Это говорит о накалённости, силе чувств лирической героини. Её сердце требует тепла, особой напряжённости, силы любви. *Эгыр сюлем* – «обугленное сердце» – это мотив потерянной любви, утраты, принёсшей неизлечимую боль:

Эгыр сюлем бордам кышкад сутйськыны,	Боялся моего
Улон сюрес вылам	Обугленного сердца,
Ӧд вамышты събрам.	На жизненном пути
(I; 44)	Не рядом был со мной.

Чувство лирической героини настолько сильны, что она «сгорает», после этого остаётся лишь «уголь» – символ печали и горя. Огонь (пламя) является одной из четырёх стихий природы. Если перевести на язык философии, образ огня – означает «активность, мужскую волю, энергию в двух вариантах – позитивном, как творчество, труд, интеллект, энтузиазм, кроме того, огонь символизирует одиночество, уход».⁴

В творчестве А. Кузнецовой весьма распространена такая образная связь: *льбль* – *жардон* – *у́чы* (розовый – заря – соловей), относящаяся к положительному сематическому полю.

Остановимся на образе *у́чы* – «соловей». Для лирической героини эта птица – вестих лета, самого красивого времени года. Спектр этого образа носит несколько смысловых ассоциаций.

Пичи у́чы веттан грузз шудэ	Маленький соловей поет колыбельную
Эркияса возись <i>ѳужмурт</i> музэн.	Словно балующий дядя.

В данном примере следует обратить внимание на сравнение *эркияса возись ѳужмурт музэн* (словно ласкающий дядя (дядя по матери)).

⁴ Гачев Г.: Национальные образы мира. Курс лекций. Москва: Академия, 1998. С. 47.

Структурообразующим элементом слова *џужмурт* является корень *џуж*, семантически не восходящий к современному цветообозначению. В комплексе *уџы* – *џужмурт* он восходит к более древнему фольклорно-традиционному смыслу – родной человек. Птица–*уџы* для лирической героини как близкая душа, ассоциирующая родное, любящее существо.

В поэзии А. Кузнецовой образ *уџы* также выражает время молодости и любви:

Сяскатэк ортчысал, дыр, тулыс
Уџыпи но ѓй чирдысало
Вуюись вориньясь ворпоен
Чик ѓй упгыськысал
Гажанэтэк.
(V; 65)

Без цветов прошда бы весна,
И не пел соловей.
Радуга разноцветным сверканием
Совсем бы не хваталась
Без моего любимого.

Наиболее вариативным и частотным является образ *сяська* – «цветок». Образ цветка ассоциируется с женским началом. В поэзии А. Кузнецовой образ «цветка» носит мотив прошедшего счастья, потери любви. Чаще всего в этом значении употребляется образ увядшего цветка:

Яратонэ – тыл сясъкае – кысџз,
Шуд чипее сырьясь нѓдэ зымиз:
(V; 105)

Моя любовь – огненный цветок –
погасла,
И щука, исполняющая желания,
Нырнула в грязь.

Тол уйшоре жужан малпась сясъка,
Зѓк из улэ ѓряськыны ѓдясь зор ву.
Тон, тон мынам быдэсмымтэ яратонэ.
(V; 138)

Цветок, надумавший взойти в зимнюю
ночь.
Дождевая вода, бегущая под камень,
Ты, ты моя несбывшаяся любовь.

Цветок выступает в качестве атрибута счастливой любви, когда любимые дарят его друг другу. Образ цветка ассоциируется с весточкой, письмом, в котором лирическая героиня говорит о своей любви. Ее любовь безответна, она не может открыто говорить о своих чувствах, поэтому «венки цветов» и «письмо» используются как посредники, мосты, соединяющие с возлюбленным. Но венок из цветов уходит в воду, а письмо сжигается, тем самым, возможная связь и контакт с любимым становятся неосуществимыми:

Кузьмам сяськаме но ёд куты кияд
Верам кылъёсме но ёд поны пеляд.
(I; 33)

Мной подаренный цветок ты не взял в
руки
Мною сказанные слова ты не услышал.

Особое женское видение мира, влияние народной философии и эстетики в творчестве А. Кузнецовой мы попытались рассмотреть через повторяющихся сквозных образов, их смысловая интерпретация помогла нам выявить тематические пласты в лирике поэтессы, раскрыть внутренний мир героини.

На протяжении всего творческого пути поэтессы выражает свое мировосприятие сквозь призму сквозных образов: «лымы», «сяська», «сюлэм», «у́йы». Сквозные образы в лирике поэтессы связаны с миром природы, их смысловые ассоциации варьируются в зависимости тематики, эмоциональной тональности стихотворений. Инвариантность образов, возникновение логико-ассоциативных параллелей приобретают в творчестве поэтессы новые семантические оттенки.